

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 349:340.11

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Поступила в редакцию 16.11.2023

Received 16.11.2023

ПРАВА

LAW

Е. В. Перепелица

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, Минск, Беларусь

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НАУКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. Исследуется методология информационного права – наука, выполняющая особую миссию, связанную с постановкой и решением проблем, которые до недавнего времени были нехарактерны как для юридической теории, так и юридической практики. Цифровой мейнстрим стал настоящим вызовом для академической юридической традиции. Сетевой мир постиндустриальной эпохи продуцирует особые, коммуникативные способы социального взаимодействия, и всегда существует искушение мерить их по прошлым лекалам. Науку права отличает определенная степень консерватизма. Наряду с пиететом традиций, оперативным откликом на свершаемые события невозможно обойтись без свежих объяснительных подходов. Автор стремится показать своеобразие науки информационного права, огранка отраслевой методологии которого происходит в режиме реального времени. При этом одновременно с уже отработанными методами и приемами к анализу информационных и коммуникационных феноменов, явлений и процессов приложимы инновационные подходы. В статье кратко обобщен инструментарий, входящий в привычный обиход информационно-правовых исследований. Представлены компаративный, синергетический, герменевтический, междисциплинарный и иные методы и приемы, эвристический потенциал которых служит дополнительной основой для испытанных средств там, где такие средства недостаточны и нерелевантны информационной повестке.

Ключевые слова: научное познание, сетевое общество, юридическая эпистемология, правовая традиция, информационно-правовые исследования, конвергентные исследовательские средства, сетевая культура, междисциплинарность, сетевое посредничество, коммуникационное право

Для цитирования: Перепелица, Е. В. Методологический инструментарий науки информационного права / Е. В. Перепелица // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 160–168. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Elena V. Perepelitsa

National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

METHODOLOGICAL TOOLKIT SCIENCES OF INFORMATION LAW

Abstract. The author raises the problem of the relevance of educational means tested by law to the information agenda. The online world has presented legal theory and legal practice with difficult questions. The well-trodden strategies of legal positivism are programmed for a different status state of society than the state of a network-type society. Previous approaches are not always effective regarding communication processes. Information law, more than other legal disciplines, feels the need for creative research tools. Its use is associated with certain risks. However, the formulation and solution of non-trivial cognitive problems requires the reinforcement of traditional methodological strategies with innovative ones. Information-legal, synergetic, phenomenological and other approaches, mastering axiological techniques and convergent techniques are called upon to replenish the heuristic resource of formal dogmatic means. Fidelity to the authority of traditions, together with a readiness to verify unknown research experience, is the way to increase scientific knowledge.

Keywords: scientific knowledge, digital relations, legal epistemology, legal tradition, information and legal research, convergent means, network culture, interdisciplinarity, network mediation, communication law

For citation: Perepelitsa E. V. Methodological toolkit sciences of information law. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 160–168 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Введение. Научное познание по обыкновению основывается на открытых истинах, известных закономерностях, наличных системах представлений. В академической правовой традиции, если сузить ее до «культурного типа накопления и передачи научного опыта» [1, с. 5], применяется особая система инструментов. В семантической развернутости она включает общенаучные и конвергентные средства, апробированные схемы анализа, апологетические установки. Право стремится к выработке суверенных знаний об исследуемых объектах и правил оперирования искомыми понятиями.

«Вселенная потоков и барьеров» (П. Ханна) поставила научную юриспруденцию перед вызовом и вынудила ее идти еще не пройденной дорогой. Вместе с тем не прекращаются попытки подведения информационных и коммуникационных процессов под прежние описательные и объяснительные рамки. Юридический позитивизм учит, как двигаться к априорному ответу, точным и выверенным истинам. Согласно подобным установлениям, достаточно оснастить правовым регулированием цифровые отношения, заполнить возникающие лакуны, что снимет все проблемы. Однако превращение сетевых коммуникаций в «окна, через которые человек осознает свое присутствие в обществе» [2, с. 15], порождает новые способы социальной активности, не всегда подвластные привычным рассудочным схемам. Коммуникационные связи и отношения избегают исчерпывающей юридической формализации и слабо напоминают «идеальные действия идеальных субъектов права в идеальном теоретическом пространстве» [3, с. 187]. Прошлая эпистемология подчас демонстрирует нерелевантность относительно сетевого мира постиндустриальной эпохи.

В сложившейся ситуации нацеленным на освоение новых явлений оказывается в первую очередь информационное право, именно оно отчетливо ощущает «перемены в объектах и предметах правового регулирования» [4, с. 5]. Огранка научного инструментария информационного права происходит на памяти ныне живущего поколения. Сказанное напрямую относится к отечественной научной школе информационного права. Помимо сиюминутного отклика на возмущающее воздействие цифровой среды наука информационного права призвана к поиску креативных стратегий познания.

Основная часть. Методология – многослойное образование, состоящее из предписаний, операций, процедур, методических приемов, способов получения научных представлений, методов, учений о них. Посредством методологического инструментария «интерпретируется развитие объекта изучения» [5, с. 16]. Данный инструментарий получает конкретизацию в научных парадигмах, правилах постижения реальности. «Методология и логика отвечают не столько на вопрос “что делать?”, сколько на вопросы “из каких альтернатив и при каких условиях можно или обязательно выбирать способ действия, а из каких надежный выбор невозможен”» [6, с. 141–142]. Свидетельством состоятельности методологии является уважение к авторитету традиций, взыскательность к себе, способность к ревизии накопленного опыта, свежему и непредвзятому взгляду на мир. При этом своеобразие научного инструментария предопределено конкретной формой знания, будь то эпизодическое, концептуальное, эвристическое и т. д.

В сопоставлении с иными юридическими науками, отраслевая методология которых уверенно проходит по «ведомству» социального знания, информационное право лишено прототипов. Его одновременно питают гуманитарные и естественно-научные онтологии. Основой в познании природы и глубинной сущности информационно-правовых феноменов стал **информационный метод**. Он входит в tandem с технологическим и аксиологическим методами [7, с. 56]. Зарубежные научные школы цифрового права развивают «сетевые подходы и сетевые методологии» [8, с. 74]. Наука информационного права первой соприкасается с неизведанным. Она не сепарирована от предшествующего исследовательского опыта. Наличный набор методов по-прежнему играет неопределимую роль в освоении действительности. Задача состоит в том, чтобы найти разумный баланс между хорошо апробированным и инновационным исследовательским инструментарием.

Обратимся к общенаучным средствам, применяемым в профильных исследованиях по информационному праву. Среди таковых диалектика, исторические, логические методы.

Принципы **диалектики** предполагают рассмотрение тех или иных вещей в неискаженном, беспристрастном виде. Объективность есть то, что помогает избежать опасности «некритического приятия чего-либо просто в силу принадлежности к интеллектуальной моде» [9, с. 273]. Диалектика позволяет двигаться от атрибутивных признаков обозреваемых явлений к научным конструктам. В этом смысле она – искусство вести спор, учение о правильном рассуждении. Диалектическое мышление незаменимо при отделении существенного от второстепенного, понимании амбивалентности обозреваемых явлений. Такое мышление помогает избежать идеализации. Через призму диалектического метода обнаруживается изменчивость общества, погружаемого в коммуникативные сети. При этом сетевое взаимодействие получает такие репрезентации, как способ социальной консолидации и дезорганизации, средство разрешения и усугубления конфликтов, инструмент достижения общественной стабильности и одновременно – распада.

Не умаляя достоинств данного метода, отметим, что он понес потери при материалистической, позитивистской трактовке и, пожалуй, самой крупной из потерь оказалось «отделение Метода от Системы» [10, с. 38]. Материалистическая диалектика, признаваемая в правоведении основным исследовательским принципом вплоть до 90-х гг. XX в., есть частный случай диалектики. И этот случай несимметричен: а) трансцендентальной диалектике; б) тектологии А. Богданова, предвосхитившей кибернетику и общую теорию систем; в) негативной диалектике Т. Адорно. При общности разных диалектик материалистическая была, таким образом, приспособлена к правопознанию, но при этом она утратила многие свои позитивные качества: «В Абсолют была возведена одна из черточек, сторон, граней объективного и способов его познания» [11, с. 75]. Ныне формализованная в таком виде диалектика уступает место иным версиям соответствующего метода.

В науке информационного права диалектика дополняется эпистемологическим ресурсом **исторических методов**. Историзм облегчает поиск, обработку и сопоставление эмпирических и аналитических данных. Он характеризует само юридическое знание как рождаемое в определенном культурно-временном контексте. Вне исторической рефлексии трудно целиком осмыслить тенденции формирования и институционализации механизмов сетевого посредничества. Системно-исторические и хронологические обобщения создают почву для основательных теоретических выводов. Историко-типологический метод выполняет функции «установления скрытого смысла (сущности) в видимости (явленности) внешних выражений различных сторон государственной и правовой жизни общества» [12, с. 47]. В целом исторический подход показывает продвижение государства и общества к новому статусному состоянию, что происходит под влиянием цифровых технологий.

Известные преимущества **логики** заключаются в том, что она поддерживает пошаговые мыслительные действия. Логика образует первооснову многих процедур. Таковы процедуры по выяснению содержательного, смыслового и прагматического значения исследуемых понятий; выработке однозначного, тождественного оценочного отношения к изучаемым явлениям; выдвижению доводов, поиску аргументов, подтверждающих интуитивные догадки; последовательному оформлению умозаключений. Логические операции образуют целостность, которую можно условно обозначить как принимаемый по умолчанию регулятивный инструментарий. О продуктовой работе логики свидетельствует то, насколько основанные на ней приемы увеличивают «степень определенности, простоты и отчетливости знания» [6, с. 172]. Важно, чтобы номинальные информационно-правовые представления преобразовывались в научно-юридические термины, приобретали конкретное категориальное выражение. С такой целью применимы методы «задавания вопросов», формулировки ответов на них в качестве того, что создает почву для конкуренции научных подходов.

В решении поисковых задач, связанных с освоением «кибернетического пространства», как называют информационное медиапространство [13], нельзя ограничиться нормами и стандартами только формальной юридической логики. Последняя, как известно, выросла на почве приложения общей логики в сфере права, фундирована на «дедуктивных методах рассуждений, построенных с помощью специальных формализованных языков по методам математики» [6, с. 179]. В информационной повестке «верные ходы» обычной логики не всегда эффективны. По

этой причине ученое сообщество прибегает к полу- и неформальной логике (Э. Блэр, Р. Джонсон), критическому мышлению, диалогической модели аргументации и всему тому, что отвлечено от шаблонов и способствует решению нетривиальных задач. Признавая формальную логику действенным познавательным инструментом, вопрос о ее применимости должен ставиться в строгую зависимость от контекста, и там, где униформистские логические процедуры проявляют недостаточность, стоит искать дополнительные точки опоры.

На развитие и приращение информационно-правового знания работает **системный метод**. По общему признанию системность помогает все упорядочить, разложить по полкам. Соответствующий метод адаптирован к «любым системным объектам, причем наибольшие результаты он приносит при приложении к сложным системам, не поддающимся аналитическим методам исследования» [14, с. 94]. Из перечня конвенционально-юридических средств в информационной повестке также востребованы системно-функциональный, технико-юридический методы, юридическое прогнозирование. Функционал формально-догматических средств незаменим в части организации и систематизации фактов, «получении достоверной информации о состоянии соответствующей сферы правового регулирования» [15, с. 11] с той важной оговоркой, что набор критериев для оценки такого состояния должен обогащаться новыми.

Информационно-правовое сообщество часто прибегает к **компаративистике**. Среди несомненных достоинств сравнительно-правового метода – преодоление с его помощью одномерности восприятия правовых институтов. Компаративистская позиция открывает возможность сопоставления корпуса отечественных и зарубежных юридических текстов, международных правовых актов, относящихся к искомой сфере. Положительным потенциалом наряду с нормативным и функциональным обладает сопоставление на уровне доктрины, имея в виду позиции ученых по аналогичным вопросам, «способы решения относительно сходных социальных проблем юридическими средствами в различных правовых системах» [16, с. 21]. Вместе с тем при доктринальном сравнении дают о себе знать разный уровень технологического суверенитета, разная мера освоенности информационной сферы, и в такой ситуации полезно **проблемное сравнение**.

В обиходе информационного права – обще- и частноправовые инструменты: индукция и дедукция, абстрагирование, научное моделирование, аналитический и синтетический способы познания, аналогия, гипотеза, многофакторный анализ, экстраполяция. Особо ценны аксиологический, синергетический, герменевтический, феноменологический, междисциплинарный, философско-правовые подходы и методы. При этом их роль может быть как вспомогательной, так и ведущей.

Аксиологический подход (метод) всегда обращен к человеку как ценности, имеющей наивысшее место в ранге правовых ценностей демократического государства, тогда как в рамках юридического позитивизма ей отводится маргинальная роль. Юридический позитивизм либо инертен относительно жизненных потребностей субъектов права, либо сводит их в усредненную точку. Он «оправдывает любые юридические установления, исходящие от государства» [17, с. 24]. В то же время аксиология видит социум персонифицированным, носящим неоднородные интересы. Легитимными она признает те государственные установления, которые соотносены с запросами и ожиданиями конкретного общества.

Плодотворны модификации ценностного подхода с иными подходами, в частности, культурологическим, цивилизационным, сравнительно-правовым. Это открывает содержательные различия сетевой культуры, присущей различным правовым общностям. Так, «восточный» архетип сетевой культуры преобладает в Китае, Иране, Сирии и других юрисдикциях, преследующих цели обеспечения государственных интересов. Допустимая степень коммуникативной активности граждан в таких юрисдикциях предопределена интересами защиты национальной безопасности, единства, порядка, социальной стабильности [18, с. 77–78]. Для «западного» архетипа сетевой культуры, распространенного в ареале прецедентного права, характерны бережное отношение к индивидуальной свободе человека, ее защита от внешних посягательств, подчинение интересов коллективного целого примату личной неприкосновенности.

Беларусь не принадлежит ни к одному, ни к другому архетипу и следует уникальным путем, хотя *выбор наиболее оптимальной модели правовой регламентации активности сетевых акто-*

ров у нас не завершен. Регулятивное воздействие на сетевое поведение должно ставиться в зависимости от правового уклада, жизнеустройства, разделяемых в обществе ценностей. Стандарты, реализуемые в иных правовых системах, значимы с позиции взвешенного выбора и обоснования собственного пути.

Дополнением к конвенциональным юридическим подходам служит **синергетика**. Ныне она предстает в роли «новой универсальной трансдисциплинарной науки, обещающей дать рецепты того, как малыми воздействиями получить большие результаты» [19, с. 6]. Синергетическая парадигма отчасти компенсирует недостатки наличного познавательного инструментария. Соответствующая методология позволяет снимать с изучаемого предмета проекции. В русле одноименного метода удастся сглаживать полюса и острые противоречия между относительным и абсолютным, случайным и закономерным, теорией и прагматикой, избегать перманентных споров, вызванных их дихотомиями.

Будучи недостаточно концептуально проработанным в юридическом смысле, синергетический аппарат успел зарекомендовать себя как средство преодоления ограниченности «прежде игнорируемых тенденций эволюции и самоорганизации правовой системы и системы права» [20, с. 103]. Применение синергетики принесло свои плоды в объяснении устройства сетевого общества [21, с. 7], разнородных сетевых образований в свете их открытости и нелинейности. Синергетика предлагает целостный взгляд на те формы коммуникативного взаимодействия, которые рождает сетевой мир и которые, как правило, рассматриваются обособленно. В связи с позиционированием синергетики как «всеобщего метода, подобного диалектическому, метафизическому» [22, с. 251], существует опасность ее возведения в очередную панацею, заменяющую все прочие принципы освоения окружающей действительности.

Среди новаторских средств, применимых информационным правом, – герменевтика и феноменология. Обозначим главное кредо каждой.

Согласно **герменевтическому подходу**, «для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но и для понимания отдельных частей уже должно быть представление о смысле целого» [23, с. 40]. Герменевтика является в одно и то же время теорией, практикой объяснения текста [24, с. 16], искусством понимания «другого» [25]. Это не метод (принцип) познания в обычном смысле, а прежде всего способ творческого толкования и интерпретации фактов. Юридическая герменевтика прекрасно справляется с такими функциями, как, например, «подведение частного случая под общее правило» [26, с. 47]. Интерпретативный подход участвует в раскрытии множественности смыслов изучаемых объектов. При этом в рамках герменевтической системы «к окончательному толкованию “можно лишь приближаться”» [25, с. 26].

К исследовательской стратегии обнаружения в явлениях открытого горизонта значений также причастна **феноменология**. Феноменологический анализ решает задачу умножения концептов. Эту методологию часто упрекают в том, что она применяет средства, лишенные должной технической оснащенности. Тем не менее опыт удачной апробации феноменологического подхода множится, такова характеристика с его помощью института информационной безопасности [27, с. 36–41]. В свете феноменологии нейтрализуются привычные паттерны: «Там, где традиционная гносеология уверенно ставит точку, феноменология только начинает свои описания, открывающие глубины» [28, с. 55]. Обычно приращение знания идет путем систематизации доступных данных и согласования вновь предлагаемых утверждений с уже имеющимися. Новое научное знание образуется посредством «принятия за исходную позицию выкристаллизованных убеждений и теорий, унаследованных от традиции, а дальше – путем надстраивания на этой основе все новых концептуальных элементов» [29, с. 136]. В свою очередь феноменология обращена к непосредственной данности предмета исследования. Феноменологические операции как бы очищены от предыстории, они допускают отход от предустановленных взглядов о сущности вещей, тем самым обеспечивается «живое созерцание». Таким образом, происходит прямое соприкосновение с познаваемой реальностью. Герменевтика и феноменология создают «описания многоаспектных образов» изучаемых объектов [30, с. 15], хотя делают это по-своему.

В информационно-правовых исследованиях участвуют **междисциплинарные стратегии**. Сложилось два основных подхода к видению миссии данных стратегий в исследовательской практике: 1) ограничительный, когда междисциплинарность срабатывает как внутренний диа-

лог смежных (контактирующих) дисциплин, обмен между ними, «объединение выводов из разных областей научных знаний» [31, с. 181]; 2) расширительный, когда происходит взаимная интеграция концепций, исследовательских процедур, к чему присоединяется транзит смыслов, перенос когнитивных схем из одной науки в другую, парадигмальные прививки. Внешняя междисциплинарность возникает либо как «совокупность отдельных предметных дискурсов разных наук, посвященных общему объекту исследования ... либо путем образования единого дискурса на пересечении разных наук в отношении этого объекта» [32, с. 73].

Несмотря на пользу, извлекаемую из таких стратегий [33–34], правовая наука не склонна слишком доверять им. Для отечественного права ближе ограничительная стратегия по причине того, что она не предполагает разработки общего с неюридическими дисциплинами эпистемологического аппарата. В белорусской юридической доктрине культивируются идеи методологической автономности права, отсутствия особой потребности использования в профильных исследованиях достижений иных наук. В силу предосторожности относительно постороннего вмешательства в ткань правовых исследований чужой способ научного видения мира воспринимается юридическим научным сообществом как ненужный «экуменизм».

Стоит признать, что привлечение междисциплинарности связано с рисками. Тем не менее данный инструментарий оправдан и результативен, это «обычный и даже нормальный вид исследовательского взаимодействия» [35, с. 203]. *В информационном праве есть области, освоение которых предполагает пристальное внимание к результатам научных изысканий в других областях.* Скажем, такова правовая квалификация сетевой активности граждан и сетевых форм коммуникации государства и общества, где нужен метаязык и выигрышны мульти-, кросс-, трансдисциплинарные приемы. Они обнаруживают то, что слабо улавливает позитивистски настроенная юридическая методология. Инвариантные способы междисциплинарного синтеза дают положительный эффект, состоящий в том, что при этом раскрываются неочевидные стороны информационных и коммуникационных процессов, эти процессы прирастают новыми коннотациями. Следуя таким путем, гораздо больше полезных свойств можно извлечь из сетевого взаимодействия. «В постиндустриальном обществе науки выходят за рамки того, с чего начиналось их становление, вторгаются в области пограничных наук и создают новые перспективные направления исследований междисциплинарного характера» [36, с. 6]. Цифровая среда благодатна в плане междисциплинарных дискурсов, причем обособленных друг от друга и объединенных. Соответствующие стратегии внутренне имманентны науке и часто ростки нового знания возникают на стыке разведенных друг от друга исследовательских областей.

Еще один инструмент – **философия права**. Одноименной дисциплине свойственно размышлять над тем, каким образом согласуются юридическая догма и юридическая практика. Философско-правовой подход нужен «не для внедрения в юридическую науку инородных ее познавательной ткани суждений, но для ее идейного насыщения. Принципиально важно, чтобы она реализовала функцию методологии критики юридической теории» [37, с. 60]. Философия права ставит больше вопросов, чем предлагает ответов. Такое межотраслевое средство нацелено на иную оптику, чем могут предложить частные исследовательские инструменты. Может показаться, что это не имеет ничего общего с правом, «по основной своей регулятивной функции – явлением практически ориентированным» [38, с. 262]. Но именно таким путем можно избежать крайнего утилитаризма и видеть в сетевых способах взаимодействия ценные для государства и общества возможности, до конца не освоенные правом.

Заключение. Информационному праву ограничены испытанные юридической наукой познавательные средства, оно толерантно к языку права, выработанному прежними столетиями. В то же время оно первым среди прочих отраслевых юридических дисциплин ощущает исчерпанность ресурса известных подходов и потребность в модернизации проверенного арсенала правовой эпистемологии. Для развития методологии науки информационного права доступны разные по развороту перспективы. Наряду с испытанными временем инструментами важно прибегать к «диссидентским» методам, работающим по своим алгоритмам и идущим вразрез с традиционными способами приращения научного знания. Новаторские методы преодолевают сложности, о которые спотыкаются догматические подходы. Распознать в непрерывном потоке информационной эмпирики признаки зарождающегося коммуникационного права возможно в ситуации си-

стемного привлечения и старых, и новых инструментов, каждый из которых предполагает особый фокус анализа. У всякого метода свой объяснительный ресурс. Авангардные инструменты эвристически неравноправны, они также неоднородны в смысле степени своей разработанности. Но они приоткрывают возможность преодоления узкой оптики классически настроенных методов и в отличие от шаблонных исследовательских процедур предлагают более точные и надежные ответы на вызовы времени.

Список использованных источников

1. Дадюкова, М. Н. Перспективы развития юридической науки в будущем / М. Н. Дадюкова // *Science Time*. – 2022. – № 1 (97). – С. 5–13.
2. Бачило, И. Л. Общество, государство и современные информационные технологии / И. Л. Бачило // *Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; отв. ред.: Е. В. Алферова, И. Л. Бачило*. – М., 2010. – С. 8–23.
3. Иванский, В. П. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (Часть II) / В. П. Иванский, С. И. Ковалев // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки*. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 184–199. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199>
4. Запольский, С. В. Новые актуальные основания модернизации в сфере информационного права / С. В. Запольский, В. Б. Исаков // *Правовая информатика*. – 2023. – № 1. – С. 4–14. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2023-1-4-14>
5. Шатковская, Т. В. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях / Т. В. Шатковская, О. Г. Ларина // *Философия права*. – 2019. – № 3 (90). – С. 14–19.
6. Сумарокова, Л. Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция / Л. Н. Сумарокова. – Одесса: Фенікс, 2015. – 204 с.
7. Ловцов, Д. А. Системология информационного права / Д. А. Ловцов // *Правосудие*. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 41–70. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.1.41-70>
8. Жарова, А. К. Развитие науки информационного права за рубежом / А. К. Жарова, В. М. Елин // *Информационное право: учеб. и практикум для вузов / М. А. Федотов [и др.]; под ред. М. А. Федотова*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2023. – С. 68–75.
9. Аверинцев, С. «AD fontes!» (Афины, Иерусалим, Рим) / С. Аверинцев // *Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / С. Аверинцев*. – М., 2023. – С. 273–280.
10. Барсуков, И. С. Границы диалектики И. Канта / И. С. Барсуков // *Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева (Вестн. КГПУ)*. – 2009. – № 2. – С. 38–43.
11. Сырых, В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? / В. М. Сырых // *Журн. рос. права*. – 2016. – № 1 (229). – С. 75–89. <https://doi.org/10.12737/17233>
12. Малахов, И. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: историческая методология / В. П. Малахов // *История государства и права*. – 2009. – № 20. – С. 46–48.
13. Грибанов, Д. В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства / Д. В. Грибанов // *Государство и право*. – 2010. – № 4. – С. 57–62.
14. Ображиев, К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К. В. Ображиев // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. – 2012. – № 1. – С. 89–96.
15. Напалкова, И. Г. Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма / И. Г. Напалкова // *Философия права*. – 2018. – № 3 (86). – С. 7–12.
16. Малиновский, А. А. Методология сравнительного правоведения / А. А. Малиновский // *Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2016. – № 3 (19). – С. 9–24.
17. Баев, В. Г. Позитивизм как господствующая теория правопонимания в современной России / В. Г. Баев, О. И. Власова // *Соврем. право*. – 2011. – № 8. – С. 22–28.
18. Права человека в сети Интернет / М. С. Саликов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. – 148 с.
19. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – М.: Ин-т философии РАН, 1999. – 203 с.
20. Петров, А. В. Синергетический подход в современных юридических исследованиях / А. В. Петров, А. В. Зырянов // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право*. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 102–106. <https://doi.org/10.14529/law170419>
21. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / Д. Б. Абушенко [и др.]; под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М.: Норма : Инфра-М, 2020. – 214 с.
22. Гарашко, А. Ю. Синергетический подход как основа развития системной методологии юридической науки / А. Ю. Гарашко // *Юрид. техника*. – 2023. – № 17. – С. 250–252.
23. Чепкасова, Е. В. Герменевтический и феноменологический подходы к анализу текста / Е. В. Чепкасова // *Библиосфера*. – 2008. – № 1. – С. 39–42.
24. Кожевников, В. В. О герменевтическом методе в правоведении / В. В. Кожевников // *Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право*. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 15–26. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).15-26](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).15-26)
25. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер; пер. с нем. А. В. Вольского; науч. ред. Н. О. Гучинская. – СПб.: Европ. Дом, 2004. – 242 с.
26. Долголенко, Т. Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права / Т. Н. Долголенко, О. Е. Финогентова. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. – 152 с.

27. Макаров, О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств – участников Содружества Независимых Государств: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / О. С. Макаров. – М., 2013. – 444 л.
28. Габрусь, И. Ф. Потери и находки феноменологии / И. Ф. Габрусь // Великие преобразователи естествознания: Иммануил Кант: тез. докл.: XV Междунар. чтения, Минск, 24–25 нояб. 1999 г. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники; редкол.: А. Ф. Апович [и др.]. – Минск, 1999. – С. 54–58.
29. Улановский, А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 130–150.
30. Пантыкина, М. И. Феноменология правовой жизни: методология и социально-философский аспект исследования автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / М. И. Пантыкина. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.
31. Кузнецов, П. У. Синергетические основания правового обеспечения информационных реалий / П. У. Кузнецов // Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / Д. Б. Абушенко [и др.]; под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М., 2020. – С. 166–183.
32. Кужелева-Саган, И. П. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе / И. П. Кужелева-Саган, Д. И. Спичева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 454. – С. 72–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
33. Веренич, В. Г. Релятивное и универсальное в методологии юридической семиотики / В. Г. Веренич // Релятивизм в праве / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. – СПб., 2021. – С. 272–282.
34. Сергеев, С. Л. Релятивизм в праве и релятивизм правопонимания: правовые ипостаси и правовые методологии / С. Л. Сергеев // Релятивизм в праве / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. – СПб., 2021. – С. 70–87.
35. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. – М.: Наука, 1980. – 304 с.
36. Шибут, И. П. Формирование профессиональных компетенций современного журналиста в условиях информационной и коммуникационной конвергенции / И. П. Шибут // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 4–9.
37. Малахов, В. П. Философия права и юридические науки: «скованные одной цепью» / В. П. Малахов // Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятого филос.-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / Рос. секция Междунар. ассоц. философии права и соц. философии, Ин-т государства и права Рос. акад. наук; отв. ред. и сост. В. Г. Графский. – М., 2015. – С. 54–61.
38. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма : Инфра-М, 2016. – 670 с.

References

1. Dadjukova M. N. Prospects for the development of legal science in the future. *Science Time*, 2022, no. 1 (97), pp. 5–13 (in Russian).
2. Bachilo I. L. Society, state and modern information technologies. *Informatsionnye tekhnologii: Innovatsii v gosudarstvennom upravlenii: sbornik nauchnykh trudov* [Information technology: Innovation in public administration: collection scientific works]. Moscow, 2010, pp. 8–23 (in Russian).
3. Ivanskiy V. P., Kovalev S. I. The role of rationality philosophy in legal studies (Part II). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 184–199 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199>
4. Zapol'skii S. V., Isakov V. B. New topical grounds for modernisation in the sphere of information technology law. *Pravovaya informatika = Legal Informatics*, 2023, no. 1, pp. 4–14 (in Russian). <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2023-1-4-14>
5. Shatkovskaya T. V., Larina O. G. The method of historical criticism in modern legal studies. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3 (90), pp. 14–19 (in Russian).
6. Sumarokova L. N. *Legal logic: a communicative concept*. Odessa, Feniks Publ., 2015. 204 p. (in Russian).
7. Lovtsov D. A. Systemology of information law. *Pravosudie = Justice*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 41–70 (in Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.1.41-70>
8. Zharova A. K., Elin V. M. Development of the science of information law abroad. *Information law, Fedotov M. A. ed.* Moscow, 2023, pp. 68–75 (in Russian).
9. Averintsev S. «Ad fontes!» (Athens, Jerusalem, Rome). *The Word of God and the Word of Man. Roman speeches*. Moscow, 2023, pp. 273–280 (in Russian).
10. Barsukov I. S. Logical bounds of Kant's dialectics. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva (Vestnik KGPU) = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Bulletin KSPU)*, 2009, no. 2, pp. 38–43 (in Russian).
11. Syrykh V. M. Russian jurists at the crossroads: materialistic rationalism or subjective idealism? *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 1 (229), pp. 75–89 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/17233>
12. Malakhov I. P. The variety of methodologies of modern theory of state and law: historical methodology. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2009, no. 20, pp. 46–48 (in Russian).
13. Gribanov D. V. On the issue of the legal theory of cybernetic space. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 4, pp. 57–62 (in Russian).
14. Obrazhiev K. V. Systematic approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, no. 1, pp. 89–96 (in Russian).

15. Napalkova I. G. Technic method as a basis of the methodology of legal positivism. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2018, no. 3 (86), pp. 7–12 (in Russian).
16. Malinovsky A. A. Methodology of comparative law. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 3 (19), pp. 9–24 (in Russian).
17. Bajev V. G., Vlasova O. I. Positivism as the dominating theory law and right in modern Russia. *Sovremennoe pravo [Modern Law]*, 2011, no. 8, pp. 22–28 (in Russian).
18. Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Mochalov A. N., Kolobaeva N. E., Ivanova K. A. *Human rights on the Internet*. Ekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2019. 148 p. (in Russian).
19. Arshinov V. I. *Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1999. 203 p. (in Russian).
20. Petrov A. V., Zyryanov A. V. Synergetic approach in modern legal studies. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 102–106 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/law170419>
21. Kokotov A. N., Malinova I. P. (eds.). *Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and socio-legal regulation*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2020. 214 p. (in Russian).
22. Garashko A. Yu. Synergetic approach as a basis development of system methodology legal science. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2023, no. 17, pp. 250–252 (in Russian).
23. Chepkasova E. V. Hermeneutic and phenomenological approaches to text analysis. *Bibliosfera = Bibliosphere*, 2008, no. 1, pp. 39–42 (in Russian).
24. Kozhevnikov V. V. About the hermeneutic method in law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 15–26 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).15-26](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).15-26)
25. Schleiermacher F. D. E. *Hermeneutik und Kritik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1977. 466 p. (in German).
26. Dolgolenko T. N., Finogentova O. E. *Axiological and formal legal meaning of the interpretation of law*. Ekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2013. 152 p. (in Russian).
27. Makarov O. S. *Legal support of information security using the example of protecting state secrets of member states of the Commonwealth of Independent States*. Ph.D. Thesis. Moscow, 2013. 444 p. (in Russian).
28. Gabrus' I. F. Losses and finds of phenomenology. *Velikie preobrazovateli estestvoznaniya: Immanuel Kant: tezisy dokladov: XV Mezhdunarodnye chteniya, Minsk, 24–25 noyabrya 1999 g.* [Great transformers of natural science: Immanuel Kant: XV International readings, Minsk, November 24–25, 1999]. Minsk, 1999, pp. 54–58 (in Russian).
29. Ulanovskii A. M. Phenomenological method in psychology, psychiatry and psychotherapy. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology]*, 2007, vol. 2, iss. 1, pp. 130–150 (in Russian).
30. Pantykina M. I. *Phenomenology of legal life: methodology and socio-philosophical aspect of research*. Abstract of Ph.D. diss. Ekaterinburg, 2010. 46 p. (in Russian).
31. Kuznetsov P. U. Synergetic grounds for legal support of information realities. *Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and socio-legal regulation*. Moscow, 2020, pp. 166–183 (in Russian).
32. Kuzheleva-Sagan I. P., Spicheva D. I. The phenomenon of digital nomadism in the modern interdisciplinary discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 454, pp. 72–87 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
33. Verenich V. G. Relative and universal in the methodology of legal semiotics. *Relativism in law*. St. Petersburg, 2021, pp. 272–282 (in Russian).
34. Sergevnnin S. L. Relativism in law and relativism of legal understanding: legal hypostases and legal methodologies. *Relativism in law*. St. Petersburg, 2021, pp. 70–87 (in Russian).
35. Mirskii E. M. *Interdisciplinary research and disciplinary organization of science*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 304 p. (in Russian).
36. Shybut I. P. Formation of professional competencies of a modern journalist in the context of information and communication convergence. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika = Journal of the Belarusian State University. Journalism*, 2022, no. 2, pp. 4–9 (in Russian).
37. Malakhov V. P. Philosophy of law and legal sciences: “bound by one chain”. *Aktual'nye napravleniya analiza prava i pravovedeniya: problema mezhdistsiplinarnogo ponimaniya i sotrudnichestva: materialy devyatykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa* [Current directions in the analysis of law and jurisprudence: the problem of interdisciplinary understanding and cooperation: materials of the ninth philosophical and legal readings in memory of academician. V. S. Nersesyants]. Moscow, 2015, pp. 54–61 (in Russian).
38. Sinyukov V. N. *Russian legal system. Introduction to general theory*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2016. 670 p. (in Russian).

Информация об авторе

Перепелица Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (ул. Берсона, 1а, 220030, Минск, Республика Беларусь), E-mail: alena.pelitsa@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Perepelitsa – Ph. D. (Law), Associate Professor, Senior Researcher. National Center for Legal Information of the Republic of Belarus (1a Berson Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail : alena.pelitsa@yandex.ru